

ТОПОХРОН

Тела-абстракции. Антропологический четырехугольник: тело, поверхность, линия и точка

Дитмар Кампер

Пространство – вот моя боль
Вилем Флюссер

Всё началось с выступления Вилема Флюссера на одном семинаре, который я проводил в начале девяностых годов вместе с Норбертом Больцом (Norbert Bolz) в Свободном университете Берлина. Флюссер демонстрировал то, что было актуальным в его мышлении. Жестикулируя, он пытался по подиуму аудитории до тех пор, пока не упирался спиной в стену. Затем снова подходил к краю сцены и читал лекцию о техно-воображении и синтетических картинах. В четыре шага возвращался и устраивал со своим телом перформанс исторических и биографических тел-абстракций, которые он всё снова и снова представлял в своих поздних произведениях. Сознаюсь, на меня этот перформанс мнимого прогресса человеческого рода как возвратных шагов до стены, у которой больше нельзя двигаться дальше, производил такое огромное впечатление, что я не обращал внимания на продолжение лекции. И мне по-прежнему представляются неубедительными положения Флюссера о том, как может выводиться регресс из исторического регресса абстракции. Он сам всегда жаловался на их недостаточную форму и одновременно, предлагал другим сделать лучше. Я полагаю, что диагноз краха, который он ставил – нечетко – в оставленных после себя книгах и в своих темпераментных дискуссиях с (им так названными) «пессимистичными критиками культуры», важнее,

Доклад, прочитанный в Кельне 15-го июня 1999-го года, был расширен с 24 июля по 23 августа 1999 года в Отцберге, Оденвальд.

Kamper D. Körper-Abstraktionen. Das anthropologische Viereck von Raum, Fläche, Linie und Punkt. Aufl. 1. Köln: König, 1999.

© D. Kamper, 1999.

© König, 1999.

© М.А. Степанов, перевод, 2010.

чем терапия. Ибо редко складывалась ситуация, в которой люди зависимы от своих артефактов и подчинены им как субъекты так, как это непредвзято представлено и продемонстрировано у позднего Флюссера. Он делал это, не принимая во внимание шансы «преодоления». Решимость затруднительное и отвратительное делать ясным и отчетливым, насколько возможно, позволяет Вилема Флюссера в отношении «Новых средств коммуникации» и современной революции знаков не классифицирован как глупую альтернативу «защитникам» и «сомневающимся».

Вторая встреча с Флюссером состоялась несколько позднее, при чтении его пасажа о различении двух «фантазий», традиционного воображения и новой «синтетической способности воображения» («synthetischen Einbildungskraft»), экспонируемом Флюссером в рамках «негативной антропологии». Я сам уже много лет как пытался найти понимание для предложения, которое мне совершенно неясно ввиду возрастающей амбивалентности: «Против Воображаемого – как почти совершенной тюрьмы свободы – помогает только способность воображения». Флюссер вновь резюмировал свои соображения относительно стадий человеческого развития: «При попытке отличить друг от друга обе фантазии ряд жестов свелся к словам, которые, будучи рассмотрены в своей совокупности, предлагают картину развития человечества. Так, например, сначала отступали от жизненного мира, чтобы вообразить его себе. Затем отказались от фантазии, чтобы описывать её. Затем отказались от критики линейного письма, чтобы анализировать её. И наконец, из анализа благодаря новой способности воображения проецируют синтетические картины. Конечно, этот ряд жестов не нужно рассматривать в качестве линейной последовательности. Отдельные жесты не поглощают друг друга, а перекрывают и переплетаются. Далее, эти жесты наряду с синтезированием картин будут вырисовываться, записываться и анализироваться, и вступят друг с другом в непредсказуемые отношения и взаимное оплодотворение. Но то, что жизненно важно, касается нас здесь и теперь, так это трудоемкий сдвиг из линейности в нуль-размерность (в количественное) и в синтезирование (компьютерное), который мы должны совершить. Нам брошен вызов, надо отважиться на прыжок к новой способности воображения»¹.

В конце это звучит как зов о помощи. Входите в открытое, друзья! Мы договариваемся о принуждении. Мы признаем зависимость, но не как цель, а как условие нашего состояния, нашего местоположения, нашего случая, нашего падения в бездонное (Bodenlose). Слушайте слова, всматривайтесь в метафоры! У нас нет ничего другого.

Следующая встреча произошла на одной из тех летних академий в Академии искусств Берлина, которые проводил в течение 1989 года Петер Лилиенталь. Вилем Флюссер, сияя, рассказывал о новых возможностях техно-воображения: теперь все, что есть, можно было бы превратить в картину. Внезапно я спросил, хотел бы он также трансформировать в такую синтетическую картину свою жену. Ответ был краток: «Её, пожалуй, нет. Она же должна слушать меня, если я говорю». Станным образом слушание и говорение встречаются, главным образом, не в картине выстроенных в цепочку остановок. Забыл ли Флюссер их или осознанно опустил?

Во всяком случае, к концу своей жизни он снова и снова описывал этот процесс, ведущий в контрдвижении к инвестированному самопониманию не вверх, в свет, а оказывающийся «лестницей вниз» и представляющий таким образом де-эскалацию.

¹ Flusser V. Eine neue Einbildungskraft / Bildlichkeit. Internationale Beiträge zur Poetik. Hrsg. von V. Bohn. Fr. am. M., 1990. S. 125.

Внешне речь идет о принудительном течении, которое от остановки к остановке придает форму прогрессивного освобождения тому, кто ему следует. Тем не менее, когда положению Гегеля: «Дух – это прогресс в осознании свободы!», следуют внешне, оно искажается буквально. Заканчивают духом тогда, когда абстракцию тела понимают, не в абсолютном знании, а как ничто, с маленькой буквы. «Медленное и трудоемкое культурное развитие человечества можно рассматривать как постепенный отход от жизненного мира, как всё возрастающее отчуждение. С первым шагом назад от жизненного мира – из контекста людей, касающихся вещей, – мы становимся разработчиками, и отсюда следующая практика – производство инструментов. Со вторым шагом назад – на этот раз из третьего измерения обработанных вещей – мы становимся наблюдателями, и из этого следующей практикой является производство образов. С третьим шагом назад – на этот раз из второго измерения воображения – мы становимся скрипторами, и следующая практика – изготовление текстов. С четвертым шагом назад – на этот раз из единичного измерения алфавитного письма – мы становимся калькулирующими, и отсюда следующая практика – современная техника. Этот четвертый шаг в направлении тотальной абстракции – в направлении нулевого измерения – был совершен вместе с эпохой Возрождения, и в настоящее время он полностью осуществлен. Следующий шаг назад, к абстракции, нецелесообразен: меньше, чем ничто, быть не может. Поэтому мы, так сказать, поворачиваемся на 180 градусов и начинаем так же медленно и тяжело шагать обратно, в направлении конкретного (жизненного мира). Отсюда новая практика компьютерного моделирования и проецирования, от точечных элементов к линиям, плоскостям, телам и нам, имеющим отношения к телам»¹.

Меня же интересовал в этом отрывке как можно более точный учёт исторических фигураций, как они объективно и субъективно, вопреки сознанию и воле людей, добились признания, не освещая при таком анализе «поворот» к нулевой точке истории. Так как здесь речь идет, воистину, о происходящем «за спиной», которое захватывает людей, несмотря на то, что они знают нечто иное, несмотря на то, что они хотят нечто иное. Еще не завершилось происходящее, еще не прекратился процесс, история еще не приняла свой наихудший оборот. Еще лишь намечается нулевая точка в центре вращения и центре тяжести. Возможно, что Вилем Флюссер свои диагнозы предпринял лишь с целью своих терапевтических предложений ускользания (*Entkommens*). Однако они постепенно захватывают всё больше места и наглеют. Кроме того, они сталкиваются с общепринятым пониманием главного, так что точное знание тел-абстракций как историческое «истощение» познания прямо-таки необходимо для описания движений возвращения, которые Флюссер описывает как последствие «проецирования». От субъекта к проекту – это значит: из покорности к откровенности, это значит: после прыжка к новой способности воображения больше не совершают старые ошибки. То, что не удалось с ходу, следует повторять. Но всё, в конце концов, вновь получило бы старое направление, вопреки благим намерениям, если поворот, оборот, разворот, «возвращение вверх по течению» может быть организован не как переезд в открытое. «Только оступившись, догадываются, что есть субъект, что можно начинать проектировать. Только осознав, что подчинены, можно начинать проектировать себя. И таким образом, падение является знаком того, что понятие “искренность” приобретает полное значение: как та точка зрения, которая принимается, когда, возмущившись и осознав низость, споты-

¹ Flusser V. Vom Subjekt zum Projekt. *Menschwerdung*. Fr. am. M., 1998. S. 217. См. рус. пер.: Флюссер В. О проецировании. Пер. с нем. М.А. Степанова // Хора. 2009. № 3/4 (9/10). С. 72–73.

каются и пытаются затем проектировать себя из субъекта в проект. Значит, “искренность”, собственно, не как возмущение против, а скорее, как эскиз для»¹.

В течение летнего семестра 1999 г. в рамках совместного проекта с Хансом Белтингом «Образ и тело» в Институте дизайна Карлсруэ состоялись четыре мероприятия, на которых наследие Вилема Флюссера было детально проработано. По прошествии нескольких лет я осознал то, что я, пусть и бессознательно, занят разработкой «антропологического четырехугольника». И действительно, почти все более или менее крупные публикации прошедших семи лет выполнены по образцу этого «четырехугольника»: тело, образ, письмо/речь, время. Поэтому теперь я хотел бы знать это и наметил себе для Карлсруэ особенное теоретическое напряжение: как нужно мыслить человеческое «бытие в мире», основываясь на «самой простой» связи объективных и субъективных условий. Как живут и умирают люди с пространством, поверхностью, линией, точкой и в них? В течение мая-июня 1999 г. мне представлялась следующая формула, произнесенная Флюссером: «Мы должны подниматься из верноподданничества в проектирование. Как субъекты мы основываемся на наших артефактах, как проекты мы можем быть откровенны, что называется по-гречески “anthropos”, человек. Речь идет о возвращении. Ведь буквально мы прибыли в “ничто”, в нулевое измерение численного мышления. Это был путь дальше. Мы должны повернуть его назад: к миру тела, в котором мы можем быть телами тел. Путь пролегал в обратном направлении, а именно, из пространства на плоскость, оттуда в линию, а затем к точке. Или более жизненно важный, экзистенциальный: от тела к плоскости изображения, от образа к линии письма, от письма к дате, в нулевое измерение невозможного настоящего».

Как можно представить отношения этих измерений, к которым люди причастны чувствуя, смотря, записывая и считая, – это вопрос, на который еще не дан удовлетворительный ответ, который Вилем Флюссер также оставил открытым. Это вопрос о структуре и происхождении, о топологии и истории тел-абстракций, поскольку они – не только предмет познания, но и условие возможности познания. Дело в том, что во время работы над этим эмпирически-трансцендентальным вопросом нельзя утаивать, что обычно пишут и думают исходя из линии, в лучшем случае – из поверхности. Правда, поверхность, исходя из отказа от объема, может представить жизненный мир, но с большой утратой права действительности на многомерность. Это функционирует даже тогда, когда забывают и не знают, что делать. Чтобы вспомнить самим, нужно было бы строить ящик, являющийся одновременно моделью – разновидностью волшебного ящика, чтобы избежать абстракций, которые неизбежны при размышлении об абстракциях. Всё же, целое есть не квадратура круга, но, пожалуй, округление четырехугольника. Чтобы очнуться, можно было бы с чистой совестью соединять самые старые эксперименты мышления.

Мир, очевидно, упорядочен не только числом, мерой, весом, но и пространством и временем. Здесь являют себя четыре измерения, которые дают пищу для размышлений о себе – прежде всего, о своих отношениях. Если формулировать абстрактно-геометрически, то эти измерения есть пространство, поверхность, линия, точка. Пространство трехмерно, поверхность двумерна, линия одномерна, точка принадлежит «нулевому измерению». Осторожно определяя, пространство «состоит» из поверхностей, поверхность – из линий, линия, наконец, из точек. Точка ни из чего не «состоит».

¹ Flusser V. Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung. Fr. am. M., 1998. S. 275.

Ссылаясь на «антропологический четырехугольник», формулируют названия измерений: тело-пространство, плоскость-изображение, письмо-линия, время-точка. Это вводит в игру другую динамику и, возможно, другой исходный пункт. Обыкновенная речь о пространственно-временном континууме совершенно недостаточна, разве только признать, что континуум – это ёмкость для чистой дискретности. Ведь при внимательном рассмотрении «переход» от одной фиксированной точки к другой – пропасть. Вследствие этого взаимосвязь становится еще более непонятной, чем она и без того была. Кроме того, при определении «четырёхугольника» не обойтись четырьмя маркировками. К чему относится язык? Складывается прямо-таки гиперкомплексное положение дел, когда мы должны принимать во внимание измерения специфически человеческих способностей. Здесь их следовало бы назвать, как указано ниже: чувство в телепространстве; зрение на плоскости изображения; письмо в шрифтовой линии, перебирание в дате. Чтение принадлежит письму, счёт перебиранию. Но что с процессом говорения и слушания? Существует постоянное подозрение, что упорядочение в пространстве и времени не может осуществляться без этих «компетенций», что орудия, инструменты и «средства коммуникации» имеют решающее значение для измерений и их взаимосвязи. Для дела и понимания сделанного. Не существуют пространство и время в себе. Так как пространство может быть мертво, а время – рассориться с самим собой.

В рассмотрении значений слова «абстракция» поражает то, что с самого начала конфронтация мышления и тела проявилась в игре. Конкретным называется сращивание обоих; абстрактным – напротив, отделение. Мышление принимает форму всеобщего, однако, тело становится как материалом, материей и вместе с тем особенным, от которого необходимо «воздержаться», поскольку, в конце концов, оно неузнаваемо, невысказано. «Abstrahere» на латинском языке значит отказываться, отдаляться, отнимать, уходить, разделять, выделять, отделять, утаскивать, лишать и т.д. В качестве первой маркировки различия, выступала абстракция имён, сохраняющая за собой мир, позже она распространилась на познание. То, что сохранилось – двойник. Абстракция означает сомнение в том, что в игре всегда двое, но также и отчаяние от растущей дистанции между мышлением и его противоположностью, телом. Абстрактное мышление с необходимостью минимизирует изобилие и обдирает до кости. Удивительно то, что уже давно представилось возражение против «бескровной» абстракции и разрабатывались концепты: «сквозь ледяную пустыню абстракции точно попасть к конкретному философствованию» (Ницше, Беньямин, Адорно и т.д.). Вопреки гегелевской мысли о том, что разум как возможность абстракции – огромная сила негативности и способность держать мертвое и превращать крайнюю точку утраты тела в жизнь духа, в будущем это не дало (вопреки разнообразной артикуляции противоречий) никакого настоящего шанса вскрыть неизбежное в де-эскалации похожих на катаракту абстракций, чтобы как можно меньше игнорировать детали. Этому мало способствовало даже страстное выступление Уайтхеда: «Мышление абстрактно; и чрезмерное применение абстракций является главным злом интеллекта. Эту болезнь не вылечить полным возвратом к конкретному опыту»¹. Нужно, напротив, заниматься самими категориями калькулирующего разума, а именно, по средством мобилизации других способностей: чтения, зрения, слуха, чувств. При этом внутреннее размножение необходимо было бы воспри-

¹ Whitehead A.N. Wissenschaft und moderne Welt. Fr. a. M., 1988. S. 30.

нимать как шанс. Уже Фома Аквинский приписывал производство абстракций рассмотрению, а не предмету: *non separata, sed separatim*. Только такая акцентуация открывает взгляд на происхождение и структуру абстрактного мира, который в настоящее время как воображаемый двойник реального мира расширяется до бесконечности. Тем не менее, в рамках обычных фантазий прогресса он не может быть постигнут в качестве такового. Это действительно, прежде всего, для продукта. «Бескровное» получает собственную жизнь: реальный мир призраков – вторичную реальность фантазмов. Мир призраков еще выглядит как возвращение вытесненного. Но из отвергнутого появляются в реальном первые возвращенцы, о которых не знают, мертвы ли они или живы.

Поэтому необходимо выявлять исторически и структурно эффективные тела-абстракции, абстракции тела в соотношении: тело/пространство; образ/поверхность; письмо/линия; время/точка; и в любое время отдавать себе отчет, в каком из измерений находишься и действуешь. Здесь можно следовать за Вилемом Флюссером очень далеко, так как его «негативная антропология» бездонна. В предельной точке компьютерной эпохи растет боль потери, нужды, изъяна. Пустота современности становится прямо невыносимой. Это отсутствие маркирует в самом прогрессивном средстве коммуникации непреодолимую границу человеческого произвола. Здесь обыграна старая «объект-субъектная» модель. Человек меняет конфронтацию на многоскладчатость (*Manchfaltigkeit*), в которую он сознательно втягивает себя. Мир отворачивается от предмета к горизонту. В начале, в своей концепции «новой способности воображения», позже в оставленном после себя «становлении человека, от субъекта к проекту», Флюссер говорил, заостряя внимание на таком резком переходе, которому – тут мы буквально должны были бы подступить к «ничто» – нужно следовать. Путь назад от регресса, регресса пространства к плоскости, плоскости – к линии, линии – к точке (и оттуда в нулевое измерение), должен проходить в противоположном направлении: от времени/точки к письму/линии, от письма/линии к образу/поверхности, от образа/поверхности к переходящему телу/пространству (и оттуда к четвертому и N-ному измерению). Только этому пути, пути назад из регресса, может быть дан заголовок «становление человека». Следовательно, всё необходимо ставить в зависимость от того, из какого уровня абстракции следует рассматривать условия. Потому что образ мыслей тел-абстракций находится не за пределами тел-абстракций. «Антропологический четырехугольник» времени, письма, образа, тела также «реален», но, скорее, «методически» или, более точно, «методологически» релевантен. Требуется мышление, которое ни в коем случае больше не претендует для себя на исключение из правил, которое оно же устанавливает.

Именно это пытался сделать Вилем Флюссер. Бросив вызов каждому думающему современнику. С тех пор мышление может быть таким же трудным, как и четким.

Два рода трудностей Флюссера должны еще пополняться и дополняться: во-первых, по возможности более точный перевод «антропологического четырехугольника» в направлении человеческих возможностей: исчисление (для измерения «время/точка»); письмо (для измерения «письмо/линия»); зрение (для измерения «образ/тело»); чувство (для измерения «тело/пространство»); и, во-вторых, фокусирование внимания на переходе от образа и тела, допущение следующего измерения, а именно, «речь/пространство» и, соответственно, «речь/поверхность», и согласно компетенции: как процесс слушания простирается в говорение. Письмо и речь не могут контаминироваться в единственном измерении, как порой делает Флюссер. Это бросается в глаза,

когда образ и тело находятся во взаимосвязи как реально, так и методически, а именно, между видением и чувствованием. Согласимся, что также другие переходы «антропологического четырехугольника» из-за скачкообразности имеют смутный и неясный характер, но между образом и телом, между видением/знанием и слухом/чувствованием имеется проблемная нить. Что произошло при регрессивном выходе от тела/пространства к образу/поверхности? Что происходит и что произойдет при регрессивном обратном возвышении от образа к телу, от видения к чувствованию? Являются ли ставшие невидимыми образы проблемой для уха, для своего слуха и своего чувства равновесия? Возникает ли головокружение?

Я старался, не теряя равновесия, записывать следующее:

Три, два, один, ноль

Пространство, поверхность, линия, точка

Тело, образ, письмо, время

Чувство, видение, чтение, вычисление

Тезис Вилема Флюссера об исторической эффективности тел-абстракций утверждает последовательность эпох, которая по нисходящей идёт к уровню размерности к ведущей величине цивилизационного процесса. При прогрессе движение идёт назад от третьего измерения к измерению-нуль, от тела-пространства к времени-точке. Правда, не прекращаются более высокоточные определения размерности мира и восприятия, однако, прогрессивно теряя в ценности. Следовательно, чувства, как зрение и чтение, делают в условиях цивилизации регрессивную карьеру. Когда всё сведено к точке и, наконец, перекодировано человеческим опытом от буквального к числовому мышлению, страдающее и действующее человечество попадает в ничто. В таком случае в непреодолимом соотношении сталкиваются лишенный мира дух (человек) с бездушным телом (землёй) – это «вершина» и конец картезианства. В споре с «критиками культуры» Флюссер артикулирует теперь свои возражения против неизбежности абстракции. Конец и цель человеческой духовной деятельности на земле не могут быть окончательным уничтожением вещества, материи, тела. Модерн, Новое время, История имели бы другой смысл, чем тот, что был привнесён в поле сознания абсолютного знания радикального ничто, написанного строчными буквами. Они не были бы необъяснимой иллюзией, самопредписанной глупостью высшей степени, которая путает свободу с уничтожением. «Независимость – это безумие», – пишет Флюссер, даже тогда, когда из этого вырастает массовая «реальность», которая связывает их массовость с достоверностью, не имея возможности ошибаться.

Должно и нужно, однако, спрашивать себя о том, как это могло произойти и в чём заключался и заключается стимул такого охватывающего мир нигилизма мышления с его реальными разрушениями. Мой тезис гласит: речь идёт о несоблюдении границ самовластия человека, границ его могущества, его немощи. Постоянное нарушение человеком границ собственной власти ведет к катастрофическим последствиям. Но скрепы, которые человек сам себе создал, перерастают себя, становясь цепью самоудушения. Эта власть человека и ее границы каждый раз в специфических невозможностях проходят через эскалацию. В каждом из упомянутых измерений предпринимается попытка овладения, которая не удастся. Тем не менее, неудача не будет восприниматься как повод к критике власти, а будет отринута, вытеснена и отвергнута, чтобы состоялось дальнейшее усиление абстракции. Таким образом, возникает неосознанное с его блокирующими, иронизирующими и абсурдными обратными связями. До точки ноль.

Моё мнение не поможет изменить актуальное положение дел, теперь, у границы невозможного настоящего, нужно мобилизовать оставшиеся мощности из менее абстрактных измерений, как поступают почти все критикующие цивилизацию контрдвижения, то есть брать взаймы у чтения, зрения, чувства, в отсутствие которых ориентировались исключительно на счет. Таким образом, следовало бы оставаться при уже ставшей скучной Kultur-Recycling, на которую беспрерывно сетует Флюссер. Напротив, перекодировка внезапно всплывающего при перекодировке крушения требует действий. Что имело бы значение для предшествующих этапов абстракции. При этом речь идет о деле, лишенном пафоса. Крушение не как жалоба в Высший, Страшный суд, крушение скорее как описанная форма процесса человеческого познания, которая случилась и которая становится определима *ex post*, из центра вращения и центра тяжести нуля, ничто, нуля и ничтожного как своего рода направления захода солнца. Соответственно этому затруднения при «возвращении из регрессивного движения» («Rückschreiten aus Rückschritten») – так Флюссер называет «становление человека») двух родов: во-первых, сложность заключается в том, чтобы лучше понимать выпадение человека из трёх измерений, из тела в нуль, в ничто, и прежде всего – неизбежное течение выпадения, в целом и в частности; во-вторых, донести на самоуправство человека как на инфантильный синдром и объяснить, как это к тому же происходит, для того чтобы «первое освобожденное творение» (Гердер, Гелен) ответило на произведенную для него всегда по-новому невыносимость мира и на свою собственную нищету, на свою «оборванность, виновником которой является сам» (Андерс), всегда с новой иллюзией своего предполагаемого всевластия мысли.

Недостающие у Вилема Флюссера компетенции – речь, слушание и говорение – можно добавить в том случае, если «четырёхугольник» измерений – тело-пространство, образ-плоскость, письмо-линия, время-точка – экспонировать в горизонте другого времени и затем схематизировать из горизонта, т.е. из ощущений тела. Таким образом, получается следующая схема, которая, однако, из-за своего плоскостного истолкования тотчас должна вычерчиваться снова:

Без – размерное	трёх – мерное	двух – мерное	одно – мерное	нуль – размерное
[Живое тело] (Leib)	Тело (Körper)	Образ	Письмо	(Без) Время ([Un] Zeit)
Чувство (как процесс)	Слушание/ Говорение	Видение	Письмо/Чтение	Счет
Кожа	Ухо/Голос	Глаз	Глаз/Рука	Мозг
Пространство – Время	Пространство	Плоскость	Линия	Точка

Для того, чтобы намекнуть на открытость компактной схемы, можно привести цитату другого великого феноменолога современности. Из нее, возможно, стало бы ясно, как упразднен «антропологический четырехугольник» в «пятиугольнике». «Тело (Leib) пространственно неделимо, лишено площади как преразмерное, т.е. не нумерируемо в определенные размеры, например, в трехмерный объем, который в сужении и

расширении обладает динамикой»¹. Тем не менее, расширение может удаваться только после прохождения через самую тесную дверь. До этого становится всё теснее и теснее.

Так как тела-абстракции инсталлируют себя в истории цивилизации как постепенное удаление тела, от изобилия к пустоте, от четырехмерного жизненного мира в ледяную пустыню абстракции, вплоть до нуля и, соответственно, до вычислений с нулем и вычислений с ноль/один. Эта де-эскалация имеет нечто неизбежное и необратимое. Поэтому невозможно вернуться назад без дальнейшего. Рассмотренное с основательной дистанции, целое выглядит как история жертвы, как коллективное действие жертвы под действием шока. Ницше называл это третьей религиозной жестокостью: самопожертвование триумфального человеческого духа, который прежде должен сделать всё – тело, образ, письмо – жертвой своего исчисления. Также из близости и в рассмотрении подробностей измерений и их переходного периода обнаруживаются некоторые неожиданности. По меньшей мере, нужно было бы удерживать следующее: как процесс, письмо всегда непредсказуемо; зрение всегда неопишимо; слух касается невидимого; чувство всегда ново. По образцу «сада расходящихся тропок» (Борхес) нужно совершить скачок назад перед решениями, которые приводили к неверным и несостоятельным альтернативам. Это возвращение вверх по течению мышления тела, трудность которого очевидна для всех.

Предприятие во что бы то ни стало нужно осуществлять. Флюссер много размышлял о руках, а именно о руках, как они были освобождены разумом (*sapiens*) в результате первоначального выпрямления *homo sapiens*. Для него тело-метафора освобожденных рук приобрела с самого начала такое превосходство, какого не достигли все последующие функционализации истории; ни действия, ни обряд, определенно не труд; пожалуй, умение, писать, которое вообще является одним из сложнейших движений. Флюссер обращает внимание на то, какую роль играют руки в понимании.

«Одна ставшая действительно человеческой рука не работает, и она понимает, что не нужно работать. Ослепленные сознательным отношением к труду, большинство из нас боятся безработицы и полной автоматизации: мы – низко павшие, подлые обезьяны»².

Не могло бы быть так, что человеческая рука является моделью взаимосвязи четырех измерений (точки, линии, поверхности, пространства и, соответственно, времени, письма, образа, тела), которые со своей стороны, каждое в отдельности, вступают в конфронтацию со временем, как пальцы с большим пальцем? Моделью, на которой выпрямившийся человек может прояснить себе свою ситуацию в мире? Не могло бы быть так, что от руки, которая стала свободна от опоры тела, началось число, но также письмо, зрение, осязание? Считают до трёх, до пяти; пишут и читают написанное через запись на слух; видят благодаря невидимому; ощупывают и чувствуют, слепо, если это необходимо? Не могло бы быть так, что костяшки кулака демонстрируют нечто иное, чем календарную последовательность месяцев одного года, а именно, взаимосвязь измерений через мясо и кровь и их отделением посредством кости? И что с линиями руки и их физиогномическим и пантомимическим расположением? Не могло бы быть структурно таким образом, что антропологический четырехугольник времени, письма, образа и тела содержится и объят временем, потому что оно эффективно как точка в физическом четырехугольнике и как шар, как сфера вокруг четырехугольника? Так была бы возможна цирку-

¹ Schmitz H. *Der Leib, der Raum und die Gefühle*. Stuttgart, 1998. S. 12.

² Flusser V. *Vom Subjekt zum Projekt. Menschwerdung*. Fr. am. M., 1998. S. 246.

ляция посредством рук? В таком случае, было ли действительно время как речь? Которое как точно, линейно, на плоскости, так и телесно эффективно?

В конце книги, посвященной человеческой коммуникации, фактически раздается крик о помощи. Вилем Флюссер спрашивает: «Разве ангажированность коммуникацией не является как раз этим криком о помощи?» Тому предшествует великая решительность: покончить с эмпирическим и с трансцендентальным одиночеством! Покончить с солипсизмом положительной оставленной антропологии самости (Selbst)! И вообще, покончить с аутизмом естественных и гуманитарных наук в пользу диалогической сети друзей!

«Мы все ангажированы коммуникацией, потому что мы не можем принять наше бытие к смерти. Мы должны искать бессмертия в другом, мы должны сносить знание о собственной смерти. Из этого поиска бессмертия возник кодифицированный мир (мир культуры, духа, смысла, отрицания энтропии). Однако происходит так, что этот мир уплотняется таким образом, что становится непрозрачен для других и поэтому побуждающим мотивом опрокидывается в свою противоположность. Вместо того чтобы соединять нас с другими, он изолирует нас... Он угрожает тюрьмой, вместо того чтобы стать мостом. Стержни, из которых он построен, могут относительно легко гнуться в форме моста. Но чтобы это можно было сделать, мы должны учиться расшифровывать их значения, так как иначе тюрьма уплотнится, а именно, безразлично, уйдем ли мы с головой в борьбу против стержней мира или же мы дремлем в их тени. Потому что стержни стали автономными и размножаются как метлы ученика чародея. Данная работа имеет намерение способствовать расшифровке окружающего нас кодифицированного мира. Она не лелеет никаких иллюзий: это чрезвычайно трудная задача – намериваться расшифровывать значение окружающих нас кодов. Потому что в них выражена такая форма бытия, для которой мы еще не “созрели”. Эти коды находятся на уровне, который можно достичь только прыжком через пропасть. Чтобы достигнуть их, мы должны лишиться своих оснований, причем, не полагаясь на что-нибудь другое. Мы должны осмелиться на “ужас”»¹.

Перевод с немецкого М.А. Степанова

¹ Flusser V. Kommunikologie. Frankfurt, 1998. S. 230.